

*Эмиль Абрамович Паун,
доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики», научный руководитель
РОО «Кеннан», former Woodrow Wilson
Center Guest Scholar, former Kennan
Institute Galina Starovoitova Fellow*

Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета

О «партии Интернета» и «партии телевизора»

Западные исследователи давно уделяют внимание Интернету как инструменту формирования общественного мнения и как его отражению. Российские ученые обратили внимание на Интернет и на его российскую ветвь Рунет только в последние годы. На это есть две главных причины.

Во-первых, Россия именно в эти годы продемонстрировала чрезвычайно быстрый рост числа интернет-пользователей, которое на весну 2012 года достигло 59,5 млн человек (это более 51% взрослого населения России). При этом по количеству времени, проведенного в социальных сетях, россияне оказались одними из самых активных пользователей в мире (третье место после Израиля и Аргентины)¹.

Во-вторых, массовые акции протеста, которые произошли зимой-весной 2011–2012 годов, заставили обратить внимание на возможную роль Рунета в формировании оппозиционных движений и координации действий участников акций.

Эти движения, как и предшествовавшие им «цветные революции» на постсоветском пространстве и «арабская весна», привели некоторых исследователей к мысли о необычайных политических возможностях Интернета. Ряд исследований указывает на пропасть между дискурсами, разрабатываемыми в социальных медиа, и тем, что в западных исследованиях принято на-

¹ Интернет в России. М.: Фонд «Общественное мнение», весна 2012. Вып. 37 [<http://runet.fom.ru/files/download/1387>].

зывать mainstream media (прежде всего телевидение). Например, социолог М. Кастельс рассматривает Интернет как единственный инструмент «производства» и совершенствования демократии, которая перерастает в развитие социальных связей и протестов против некоторых действий власти². Традиционным клише стало выделение противостоящих друг другу в политическом плане «партии телевизора» и «партии Интернета»³. Образ телевидения, воспринимаемого как наиболее контролируемое государством и ограниченное политикой телеканалов СМИ, дополняется образом Интернета в качестве независимой информационной среды. И это при том, что телевидение статистически остается главным источником информации для подавляющего большинства россиян⁴.

Кроме того, социологические исследования интернет-аудитории («Левада-центр», 2012 год) показали, что соотношение идеолого-политических групп в интернет-сообществах мало чем отличается от того, что социологи фиксируют во всем обществе или в среде избирателей. Численно во всех случаях пока преобладает группа провластных (пусть и не с таким отрывом, как на последних выборах президента), далее идут объединенные левые и замыкают список националисты и «демократы-либералы»⁵.

Общий вывод, который можно сделать относительно связи интернет-активности и протестных выступлений, заключается в том, что Интернет не более чем средство связи между людьми, не всегда способствующее консолидации оппозиции и развитию социальных

связей. Интернет оказывает как позитивное, так и деструктивное влияние на рост реальной гражданской активности, пока не перекрывая влияния других медийных каналов.

По мере спада эйфории по поводу чудодейственных возможностей Интернета как коллективного организатора и вдохновителя демократизации в России, растет уверенность исследователей в том, что социальные медиа могут рассматриваться как новый и важный источник знаний о процессах, которые происходят в российском обществе, и прежде всего об отражении в нем реальной картины идеолого-политического размежевания. Только здесь представлен весь спектр политических сил России, поскольку многим политическим течениям, таким как националисты, новые левые, религиозные фундаменталисты и др., нет места в mainstream media.

Именно на изучение этих вопросов было нацелено коллективное исследование идеологических течений современной России, проявляющихся в зеркале Рунета. Первый его этап назывался «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь – сентябрь 2012 года), второй – «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа» (сентябрь 2012 – апрель 2013 года). Исследование проводилось под руководством Эмиля Паина (НИУ ВШЭ, Москва) и при научном консультировании Галины Никипорец-Такигава (Университет Кембридж). Методология исследования достаточно подробно изложена в коллективной статье участников проекта⁶.

² Байдакова А. Социолог Мануэль Кастельс – о неизбежности новой демократии // Радио Свобода. 2012. 16 ноября [http://www.svoboda.org/content/article/24620450.html].

³ Захаров М. «Партия телевизора» живет и побеждает // Полит. ру. 2012. 5 июня [http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/].

⁴ Источники информации: откуда черпают информацию представители разных социальных слоев. М.: Фонд «Общественное мнение», 2012 [http://fom.ru/SMI-i-internet/10481].

⁵ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 – 2012 гг.: истоки, динамика, результаты. Доклад. «Левада-центр», сентябрь 2012 [http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf].

⁶ Пайн Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

Идеологическое размежевание по исторической памяти

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере наша исследовательская команда пыталась определить идеологический портрет современной России. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либералы, левые, националисты и сторонники действующей власти. Это те идеологические течения, которые проявились в России еще в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии – коммунистов. Восстановившееся идеологическое разделение российского общества весьма аморфно, что понятно: люди самоопределяются на основе тех признаков, которые сохранила наша историческая память, а кроме левых – правых, либералов – державников мы вряд ли что-то помним. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я русский», «Наша Родина – Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ контента Рунета позволяет анализировать не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование. Мы выделили наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и семантико-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют *сторонники действующей власти*. Однако после детального изучения мы дали ей другое

название – «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии В. Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но многие из этих людей в 1990-е поддерживали партию «Наш дом – Россия», созданную Б. Ельциным, а в свое время – и либералов Е. Гайдара и А. Чубайса. Конформизм – вот свойство, которое прежде всего отличает данное сообщество, использующее для самоописания, в качестве главного признака, словесную конструкцию «мы большинство» или «мы как все». Единая инертная масса имперского, советского общества, являющаяся основным объектом манипуляций, ныне диверсифицируется, постепенно, крайне медленно и болезненно, но расслаивается. Это не так заметно в самой массовой социальной сети «ВКонтакте», а вот анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляется множество drobных элитарных ячеек, которые сильно усложняют, раскалывают эти течения.

Прежде всего изменения коснулись группы *левых*. Именно в ней проявились совершенно новые для России течения, отчасти доказывающие справедливость вывода Фрэнсиса Фукуямы о том, что левые (пока больше на Западе) ныне сменили основной объект любви и защиты. Их больше не интересует рабочий класс, обуржуазившийся и не нуждающийся в их поддержке. Они поддерживают сегодня колониальные народы, культурные меньшинства, ЛГБТ-группы и т. д. Мы видим и в России это гигантское различие между людьми, которые называют себя марксистами, левыми. Все они выступают вроде бы за идею эгалитаризма, социальной справедливости, но между ними, между ультраксенофобами из партии Г. Зюганова и защитниками меньшинств «антифа»; между левыми Pussy Riot и советски-

Андрей Л. Мирошин журналист, редактор, руководитель текста «Кетан»

ми коммунистками, патриархальными бабушками, которые борются с теми, кого называют «кошунницы», мало общего. Впрочем, новые левые и в Рунете численно составляют ничтожное меньшинство по сравнению со сторонниками коммунистов (КПРФ).

Очень серьезные перемены наблюдаются в группе *националистов*. Русские националисты рождались как группа, защищающая империю и самодержавие. Поэтому их политические объединения, появившиеся в начале прошлого века («Черная сотня», «Союз русского народа»), были настроены ультрамонархически и проимперски. Ныне же мы видим в среде русских националистов нарастание антиимперских настроений, проявляющихся в лозунге «Долой Кавказ!» С этого начинаются расхождения русских националистов с властью, ставшей в качестве одной из главнейших своих задач сохранение империи. Антивластные настроения усиливаются и разрастаются, проявляются не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Причем в некоторых районах России, например в Ставропольском крае, русский национализм выступает в качестве основной оппозиции власти.

Меньше перемен в группе *либералов*. Кстати, у них и меньше различий между массовой и элитарными группами. Можно выделить три основные особенности этой группы.

Первая: либеральное интернет-сообщество – самая атомизированная, разобщенная группа. Это проявляется уже на уровне самоидентификации в силу отсутствия единого термина для самоопределения. Так, скажем, слово «либерал» по отношению к самим либералам употребляется довольно редко. Из специфических самоопределений можно назвать либо сугубо этические: «мы рукопожатные», а они «нерукопожатные», либо такие негативные по своей природе самоназвания, как «антиселигер» (очень популярный, между прочим, термин).

Вторая особенность этого интернет-сообщества состоит в крайнем песси-

мизме в отношении реализации либерального политического сценария как некоего европейского пути для России. Господствуют представления о том, что либералы – это меньшинство, которое существует в некоем враждебном социальном окружении, среди народа с «рабским сознанием», поэтому это меньшинство обречено на поражение.

Из этого вытекает и третья особенность – эта группа самая некреативная, она не предлагает общей для страны повестки дня – единой программы действий. В лучшем случае делаются предложения только для «своих».

Впрочем, некоторые политические деятели, позиционирующие себя как либералы, пытаются расширить свой электорат за счет привлечения внимания к себе со стороны русских националистов. Таких персон совсем немного (единицы), и среди них наиболее заметны Алексей Навальный и Владимир Милов. Нам представляется весьма важным проанализировать это течение.

Меня давно беспокоит вопрос о «национализме» А. Навального, поэтому в рамках исследовательского проекта НИУ ВШЭ по изучению российской блогосферы я и мои аспиранты и студенты специально проанализировали дискурс нескольких политических фигур. Это спорные фигуры, которые сами себя называют либералами, но числятся в либеральных кругах «националистами».

Привожу динамику контента на этнополитические темы у А. Навального (см. приложение).

Почему оскорбительные для грузин высказывания Навального от 2008 года так запомнились и многократно тиражируются? Да потому, что они уникальны. Мы проанализировали 1315 постов А. Навального (с июня 2010 по июнь 2013 года) в LiveJournal и не нашли ни одного, в котором было бы оскорбительное высказывание в отношении какой-то этнической группы или демонстрация чувства превосходства русских над какой-либо иной этнической общностью. Лишь 40 выступлений

в той или иной мере можно отнести к этнополитической тематике. Более 90% приходится на высказывания по поводу Северного Кавказа, порядков в республиках и поведения некоторых руководителей, которые используют бюджетные средства как свои собственные, теряя остатки уважения и к закону, и к общепринятым нормам морали. Навальный не обсуждает особенности поведения тех или иных этнических групп. В его высказываниях не заметно каких-либо проявлений русского этнического или культурного превосходства. По сути, все его высказывания повторяют главную тему этого политика – борьбы против «жуликов и воров», т. е. осуждение коррупции и казнокрадства, но на примере межрегиональных отношений.

Характерные высказывания А. Навального:

- «Чувствую я, что лозунг “Голосуя за “Единую Россию”, ты оплачиваешь еще один порш для Кадырова, Суркова” будет весьма востребованным в грядущей избирательной кампании»⁷;

- «Общенациональная кампания “Хватит кормить Кавказ” совершенно правильная кампания. Кремлежулики, расплачиваясь за 120% голосов для Партии Жуликов и Воров на выборах, вбухивают в СевКавказ какие-то немислимые, фантастические деньги. Естественно, не забывая по дороге отщипнуть от этих денег свои 30%»⁸;

- «...я абсолютно убежден, что деньги, совершенно бесконтрольно выделяемые бандитам, получившим удостоверение милиционеров, несут только вред Северному Кавказу. Показная роскошь одних и нищета с завистью других – какая еще нужна почва для развития терроризма?»⁹;

- «Я шел на “Русский марш” с лозунгом “Долой “Единую Россию” – партию Жуликов и Воров”, мне кажется, вполне

себе дошел. Это был один из главных лозунгов митинга»¹⁰.

Наивысшая интенсивность высказываний на этнополитическую тему приходится на период декабрьских событий на Манежной площади в 2010 году и на начало 2011 года. После избрания А. Навального в Координационный совет оппозиции (октябрь 2012 года) заметен спад интереса к этой тематике. Вероятно, этот политик, зная о неприятии членами КС и большинством либералов этнополитической тематики, старается сокращать ее объем в пользу тем общегражданского содержания (см. приложение).

Для того чтобы дать представление какой может быть иной дрейф либерала к национализму, настоящему ксенофобному этнонационализму, я привел наброски к портрету еще одного героя нашего исследования Владимира Милова.

И он, так же как Навальный, после Манежки начинал с критики экономической и региональной политики в отношении к Северному Кавказу, хотя в большей мере, чем Навальный, ополчался на либералов за то, что «национальная компонента была полностью потеряна в российском либеральном движении». И он стал заполнять этот пробел со все возрастающим энтузиазмом. Траектория его включения в националистическую проблематику оказалась совсем иной, чем у А. Навального. Последний старался не противопоставлять себя другим известным фигурам либерального движения, уклонялся от дебатов с ними и, зная нелюбовь либералов к так называемой националистической тематике, уменьшил ее интенсивность в 2013 году более чем в двое. Совершенно иная динамика в выступлениях Милова: националистическая тематика нарастала в 2012 и 2013 годах. В качестве

⁷ Алексей Навальный. LiveJournal [http://navalny.livejournal.com/587857.html]. 2011. 25 мая.

⁸ Там же [http://navalny.livejournal.com/2011/09/30/].

⁹ Там же [http://navalny.livejournal.com/633234.html]. 2011. 20 октября.

¹⁰ Там же [http://navalny.livejournal.com/640474.html]. 2011. 4 ноября.

Андрей А.
Мирошин
журналист
руководитель
текста «
Кептан S

основных оппонентов Милова выступали представители именно либеральных кругов (С. Алексашенко, Е. Гонтмахер, А. Верховский) и именно в полемике с ними защитник «либерального национализма» отстаивал не либеральную, а исключительно этнонационалистическую повестку дня, выступая, например, за отмену 282-й статьи УК РФ о разжигании национальной розни и за снятие с рассмотрения закона об упрощении процедуры получения гражданства для бывших соотечественников и т. д. Но в его риторике все чаще звучала открытая ксенофобия.

Приведу только несколько примеров. Так, он упрекает Путина в том, что он «сдает Россию азиатам по всем фронтам». Напомню, презрительная кличка «азиаты» в большом ходу у так называемых «имперских националистов»¹¹. А в чем проявляется сдача позиций по Миллову? Оказывается, она состоит в «готовящейся массовой раздаче русских паспортов киргизам, узбекам и таджикам»¹². Но паспорта им дают не русские, а российские власти, и возникает вопрос: какие национально-государственные интересы могут быть нарушены при выдаче паспортов представителям нерусских национальностей? Или вот такой перл в обращении к руководителю ВГТРК О. Добродееву: «Пусть посмотрит на своего бывшего начальника, Асламбека Суркова-Дудаева, и подумает о своем будущем как следует. В жизни ведь всякое бывает»¹³. Можно одобрять или не одобрять деятельность бывшего главного кремлевского идеолога, но в данном случае в тексте сознательно выпячиваются не политические характеристики, а одна из этнических идентификаций Суркова и в характерной для этнических националистов манере ему придумывается новое имя и несуществующая фамилия с дефисом. Так искажали или придумывали новые фамилии Б. Ельцина, Г. Попова, А. Соб-

чака и почти всех известных либеральных политиков.

Исследование показало, что разделение общества на идеологические группы можно считать свершившимся фактом. Отчасти это позитивный сдвиг – по сравнению с эпохой доминирования аморфной массы советских людей. Теперь тотальная мобилизация общества в мирных условиях исключена. Значительно меньше возможности манипуляции людьми. Однако у каждой медали есть и обратная сторона. Международные сравнительные исследования интернет-сообществ показывают, что российское – самое раздробленное, его идеологические «кусты» слабо связаны друг с другом, умение разговаривать и договариваться так и не появилось. При всех различиях просматривается несколько признаков, общих для всех течений. Во-первых, негативная консолидация во всех группах превалирует. Так, для самоидентификации интернет-сообщества чаще используют негативные определения («мы – не они») и объединяются только перед лицом общих врагов. Ни одна из идеологических групп, включая провластную, не выражает удовлетворенности текущим положением дел и нынешнюю власть оценивает в лучшем случае как меньшее из зол. Во-вторых, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Мало кто верит, что у нас может стать лучше, и уж тем более, что скоро станет лучше. Сравнение массовой интернет-аудитории с элитарной показывает, что чем выше уровень интеллектуализма, тем больше проявляется критическое отношение к современным условиям, но при этом у всех групп впечатление бесперспективности. Одни не хотят перемен, боятся их, другие хотят, но не верят в возможность благоприятных перемен. Для большинства групп настоящее безобразно, будущее бесперспективно. И это сущность того

¹¹ Владимир Милов. Livejournal [http://v-milov.livejournal.com/391438.html]. 2013. 15 мая.

¹² Там же.

¹³ Там же.

безвременья, о котором мы сегодня говорим.

Что нас ждет после конца безвременья?

Эпоха безвременья постепенно уходит. Это еще не очень заметно – как наступление утра зимой: пять часов утра в декабре мало отличаются от трех часов ночи, однако язык все-таки говорит нам, что одно – утро, а другое – ночь. И вот сейчас по ряду признаков уже можно угадывать приближение хмурого утра.

Фундаментом безвременья была политическая стабильность, пусть и застойная. В таких условиях большинство идеологических группировок оставались пассивными и могли позволить себе абстрактно размышлять на тему, а нужны ли им программы действий. Но это была шаткая конструкция, и стоило какой-то из ее частей проявить активность, как равновесие нарушилось. После серии митингов в 2011–2012 годах включилась власть. Ее новую стратегию Владислав Сурков назвал «долгожданной жесткостью», а политическая оппозиция (практически всех ее оттенков) – репрессиями. Так или иначе, возникает цепная реакция – действие рождает противодействие. То, что Сурков назвал «однозначной победой» власти, может быть всего лишь естественным запаздыванием ответа оппозиционных сил на действия властей. В начале прошлого века этот ответ растянулся на 12 лет (между 1905 и 1917 годом), сегодня сроки способны сжиматься, а варианты «отдачи» – быть еще более непредсказуемыми. Оппозицию буквально провоцируют к росту напряжения: в 2010 году, когда футбольные фанаты вышли на Манежную площадь, Путин с ними встретился. Через год, после целой серии многократно больших по численности митингов, власть отказалась от диалога. Оппозиция, дескать, не конструктивная. Действительно, куда ей до футбольных фанатов. Но ведь и провластные силы не получили успокоения. Напротив,

именно они стали основными потребителями потока антизападной истерии. Мобилизовать с ее помощью население нельзя, не получается, а вот страхи и фобии возрастают, а это плохая опора для стабильности. К тому же все это происходит в условиях экономического спада. За период 2012 года динамика ВВП снизилась в России примерно в четыре раза. Приток иностранных инвестиций в экономику России уменьшился и, по прогнозам, в 2013 году еще сократится. Правительство РФ выдвинуло задачу улучшения инвестиционного климата. Но стратегия «долгожданной жесткости» вряд ли будет способствовать этому. Вся система сдержек и противовесов, обеспечивавшая состояние застойной стабильности, деформируется. Нас ждет интересное будущее.

Чтобы оценить, какой будет идеологическая палитра России в ближайшем будущем, стоит обратить внимание на способность к самоорганизации и объединению сторонников каждой из представленных групп. Когда все находится в становлении, эта способность очень важна. И в этом аспекте расстановка сил иная. Наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты. Заметно отстают провластные (их организуют сверху). А наименьший интерес к самоорганизации у либералов. Соответственно, у них же самые безрадостные перспективы. Кроме того, в этом исследовании мы выделили тематические блоки дискуссий каждой из четырех групп – новости, самоорганизация, идеология, развлечения и т. д.

Идеология – это то, чем интересуются в основном левые. Они рассуждают, что такое марксизм новый, что такое марксизм старый, что такое отчужденность, справедливость, интересы. На втором месте по этому пункту оказались русские националисты. Меньше всех идеологией интересуются российские либералы. У них лидирует блок «иное» – это та «каша с гвоздями», которой даже названия не найти: личные фотографии, обсуждение книг, споры о киногероях

и котиках... Собственно политический контент сведен к минимуму. Интерес к приватной жизни понятен, но обратите внимание: мы рассматривали политические интернет-сообщества. Справедливо заметить, что и на Западе сегодня либеральная идеология сравнительно размыта. Но почему? Потому что там основная либеральная идея – о главенстве прав человека – стала общим местом. Ею воспользовались почти все существующие партии. Либералам осталось бороться за частности. Однако у нас иная ситуация. Права человека в России ценностью не считаются. Более того, именно сейчас они подвергаются целенаправленной травле, постулируется мысль, что Запад использует идею прав человека для вмешательства во внутренние дела России. Казалось бы, в этих условиях именно либералы должны сплотиться под знаменем защиты прав человека, но, увы, и в этом лагере идут дискуссии (пусть и в иносказательной форме) о пользе соблюдения таких прав. Случается, что либералы (даже такие заметные, как Владимир Милов) предлагают с пониманием отнестись к призывам «Хватить кормить Кавказ!» и «считаться с устойчивыми стереотипами против выходцев с Кавказа». Какие уж тут права человека.

Идея гражданской нации, полтора века назад высказанная Э. Ренаном, в либеральном сообществе даже не упоминается. Непонятыми для идеологов российского либерализма остались и идея Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации, и мысль Д. Растоу о том, что национальное единство – главное предварительное условие для демократии. Народ может стать источником власти, однако сначала нужно договориться, что же такое народ. Россия решила обойти ответ на этот щекотливый вопрос, в результате у нас ведутся споры между либералами-космополитами и этническими националистами – заранее тупиковые споры. И наконец, главный грех современного русского либерализма – это склонность его сторонников к

идее исторической предопределенности. В двух ее разновидностях. Во-первых, в пессимистической. В России, мол, сложилась авторитарная политическая культура, рабское сознание. «Плохой народ» не способен отказаться от «исторической памяти» и поддержать либеральный курс. Во-вторых, предопределенность сквозит и в натужно оптимистических выступлениях. Этот мотив преобладает на митингах, когда собравшихся убеждают, что исторический прогресс сам собой приведет Россию к торжеству свободы и демократии. Непонятно лишь, о каком масштабе истории идет речь – о веках, тысячелетиях? Если говорить о текущем историческом моменте, то он показывает, что победа из рук либералов ускользает. Положим, они многое сделали для того, чтобы внушить большинству населения святую ненависть к «партии жуликов и воров». Но вот публикуется список министров-миллионеров, охарактеризованных как сторонники экономического либерализма, и тут же в Интернете появляется пост: «Хорошо устроились либерасты: сами воруют, а на Путина сваливают». Доверия к либералам нет.

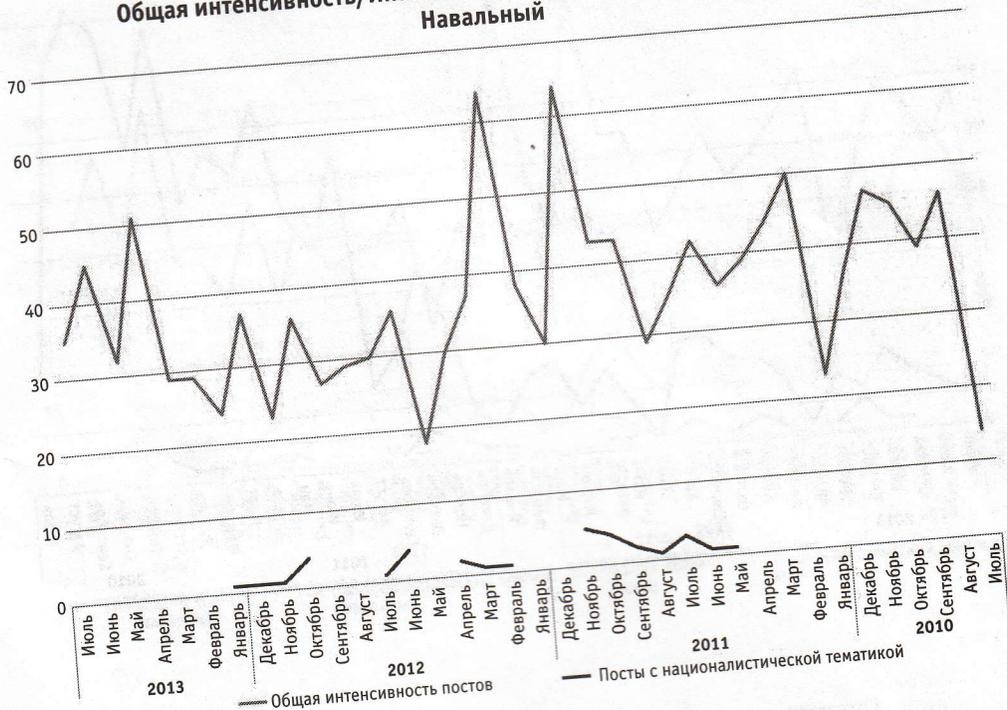
Неструктурированные, расколотые, донациональные общества в течение долгого времени оказываются во власти либо диктатур, либо толпы, и трудно оценить, какое из зол большее. В 1979 году после свержения монархии в Иране к власти пришла исламская теократия. В 2011–2012 годах после революций так называемой «арабской весны» в ряде арабских стран были свергнуты застойные диктатуры, но власть захватили идеологи исламского фундаментализма. В современной России в случае ослабления авторитарных тенденций и нарастания нестабильности не исключено, что претендентами на политическое лидерство станут совершенно новые силы – идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма. Их появление вызвано запросом снизу. Наше исследование показало, что единственная

идея, общая для массовой аудитории каждой из четырех групп, – это ксенофобия. Исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия распространены даже среди либералов, а в других течениях они еще сильнее. Также растет популярность идеи социальной справедливости. Согласно последним соцопросам, россияне все большее значение придают условиям жизни, комфорту и защищенности по сравнению с тем же увеличением зарплаты. А власти, конечно, гораздо легче прибавить зарплату и индексировать пенсии, чем разбираться с ЖКХ. Назревает недовольство. Подстраиваясь под эту реальную повестку дня, националисты и левые мутируют. Самые активные ячейки слева и справа подхватывают лозунги друг друга, сливаясь в своеобразный национал-социализм российского розлива. В одном из информационных листовок партии «Воля», отнюдь не самой популярной, но весьма показательной, собраны все ударные лозунги: критика власти – «Наша страна умирает. Ее убивают как раз те, кто должен “по должности” о ней заботиться, – чиновники»; национализм – «Народное движение “За Иванов!”» (это значит в защиту корен-

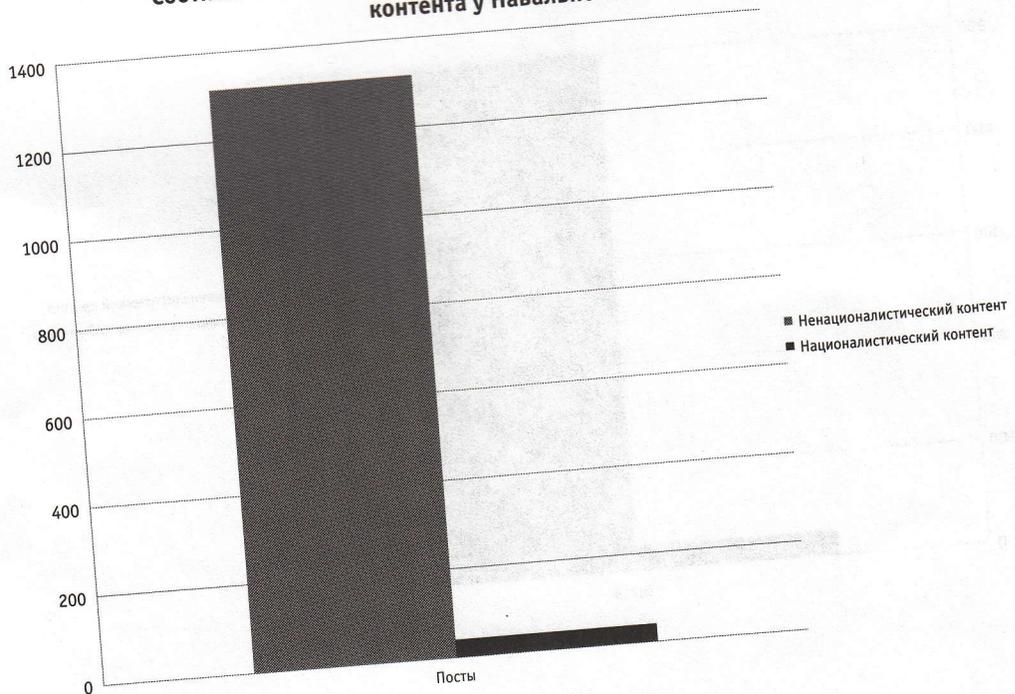
ного населения России против колонизации страны); левая риторика против иностранной буржуазии – «Заводы и предприятия за годы перестройки были отданы на откуп Западу, грабительство названо “приватизацией”». Подобные лозунги в современной России вполне перспективны. История в таких ситуациях, как сегодняшняя российская, предлагала два варианта сплочения граждан на общей платформе. Либо испанский сценарий – пакт Монклоа, когда разные политические силы после смерти генералиссимуса Ф. Франко объединились в неприятии диктатуры и выработали «дорожную карту» демократического транзита; либо сценарий эволюции Веймарской республики – от авторитаризма к диктатуре. Во втором случае, как мы помним, объединение происходило не за счет диалога и учета мнений оппонентов, а за счет уничтожения или выдавливания всех противников режима. Я не говорю, что в России невозможен первый сценарий. Однако опасность второго налицо: он гораздо проще, и, если ничего не предпринимать, в силу исторической инерции может осуществиться именно он.

Приложение. Навальный vs Милов: битва патриотов

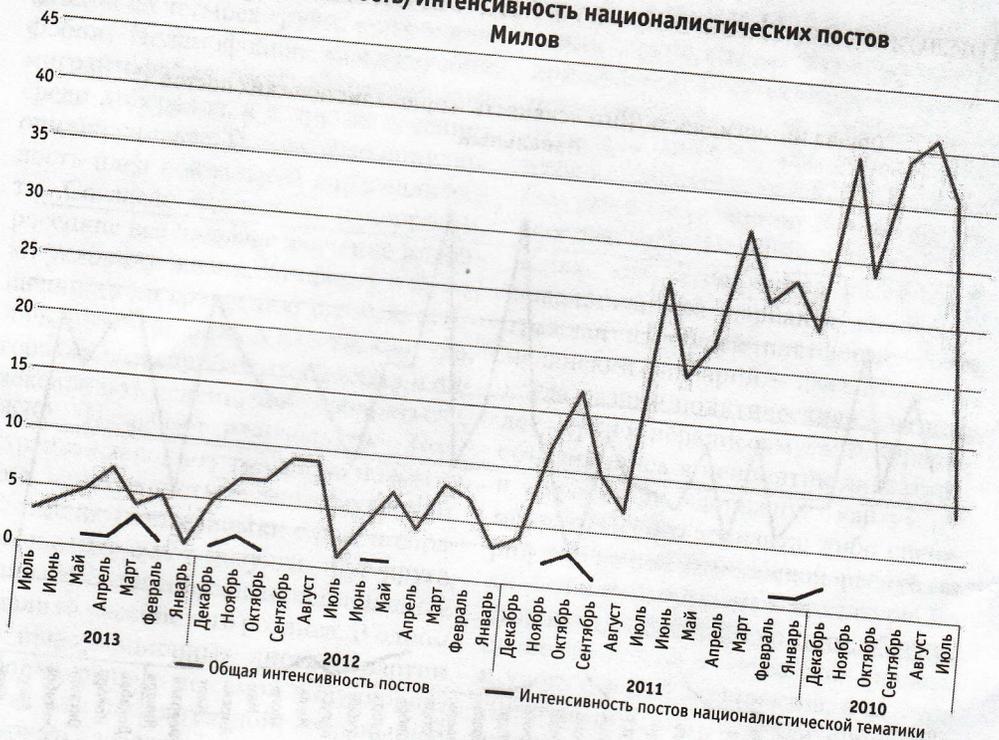
Общая интенсивность/Интенсивность националистических постов
Навальный

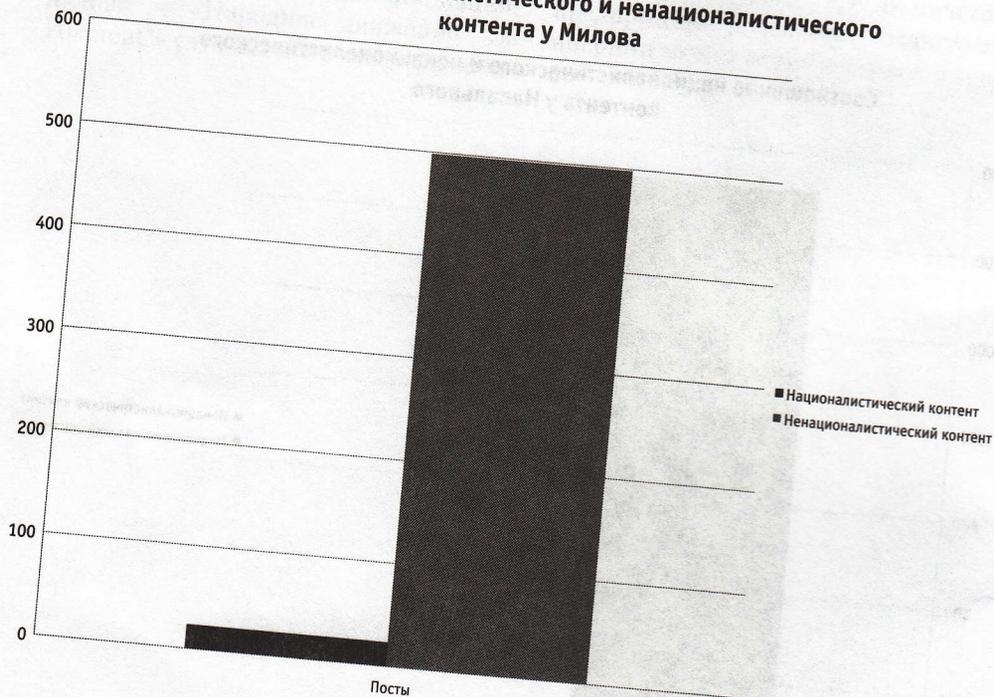
Соотношение националистического и ненационалистического контента у Навального

Общая интенсивность/Интенсивность националистических постов Милов

Соотношение националистического и ненационалистического контента у Милова

Сравнительная интенсивность общего и националистического контента у Милова и Навального

